

На правах рукописи

Клоченко Лариса Николаевна

**ПСИХИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ: ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ
РЕГЛАМЕНТАЦИИ И КВАЛИФИКАЦИИ**

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2019

Диссертация выполнена в Федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Университет прокуратур Российской Федерации»

Научный руководитель

Решетников Александр Юрьевич
кандидат юридических наук, доцент

Официальные оппоненты

Сердюк Леонид Васильевич
доктор юридических наук, профессор
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», кафедра уголовного права и криминологии, профессор

Голубов Игорь Иванович

кандидат юридических наук, доцент
Железнодорожный городской суд
Московской области, судья

Ведущая организация

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Защита диссертации состоится «19» сентября 2019 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 170.001.02 при Университете прокуратуры Российской Федерации по адресу: 123022, г. Москва, улица 2-я Звенигородская, д. 15, конференц-зал.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в читальном зале библиотеки Университете прокуратуры Российской Федерации по адресу: 123022, г. Москва, улица 2-я Звенигородская, д. 15.

С электронной версией автореферата можно ознакомиться на официальном сайте Университета прокуратуры Российской Федерации: <http://www.agprf.org>, а также на сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/main>

Автореферат разослан «7» июня 2019 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н.В. Буланова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Борьба с криминальным насилием в современных условиях является одной из наиболее значимых задач любого государства. Она осуществляется различными средствами, в том числе и путем применения уголовно-правовых норм. Отечественное уголовное законодательство детально описывает традиционные формы преступного насилия (убийства, причинение вреда здоровью, изнасилования и т.п.), как правило, понимая под ним внешнюю (физическую) форму воздействия на человека. Вместе с тем насилие характеризуется дуалистической природой. Оно может проявляться не только в физической форме, но и быть выражено в психологическом воздействии, оказывающим разрушающее (деструктивное) действие на личность.

Это обстоятельство не в полной мере отражается в Уголовном кодексе Российской Федерации и приобретает особую значимость в условиях фиксируемого криминологами существенного смещения насильственных форм воздействия в социально-психологическую сферу, появления новых видов социально опасного психологического воздействия на человека. В этом отношении статичность российского уголовного законодательства в части отражения психического насилия снижает его эффективность в плане борьбы с насилием в целом и психическими формами его проявления в частности.

В свою очередь, этот нормативный недочет во многом обусловлен слабой теоретической проработкой проблем уголовно-правового противодействия психическому насилию. В отечественной уголовно-правовой доктрине по-прежнему не разрешены вопросы, связанные с определением этой психолого-правовой категории, не уточнены признаки и не определено значение психического насилия, не установлены его роль и место в структуре состава преступления, слабо исследовано уголовно-правовое значение последствий, наступающих в результате психологического воздействия на личность и т.п.

Это создает трудности для современного правоприменителя, поскольку неразрешенными остаются многие вопросы квалификации деяний, совершаемых

посредством применения психического насилия (установления момента окончания насильственных посягательств, разграничения насильственных преступлений, уголовно-правовой оценки сопряженных деяний и др.).

Развитие современных технологий, результатом чего стало широкое распространение он-лайн коммуникаций между людьми, «миграция» в виртуальное пространство (что особенно характерно для несовершеннолетних и молодежи), а также усложнение параметров межличностных взаимодействий приводят к появлению новых форм опасного психического воздействия на личность. В подобных условиях отечественной уголовно-правовой наукой остаются практически не исследованы проблемы уголовно-правовой защиты личности от посягательств, осуществляемых посредством «подстрекательств» к самоубийству, преследований на сексуальной почве и иных общественно опасных проявлений психического воздействия.

Таким образом, можно констатировать, что изучение проблем уголовно-правовой интерпретации психического насилия в современных условиях представляется весьма актуальным и значимым.

Степень разработанности темы. Попытки осмыслить юридическую природу и уголовно-правовые особенности такой фундаментальной проблемы как насилие многократно предпринимались в отечественной науке. Среди специалистов, внесших весомый вклад в исследование этой темы, следует выделить имена Ю.М. Антоняна, Л.Д. Гаухмана, И.Я. Козаченко, Н.В. Иванцовой, А.Б. Кирюхина, Э.Ф. Побегайло, Н.И. Панова, Р.Д. Шарапова и др.

Психической разновидности преступного насилия посвятили свои труды Ф.Б. Гребенкин, Р.А. Левертова, Л.В. Сердюк. Их работы, подготовленные во второй половине XX столетия, создали теоретический фундамент для изучения проблем психического насилия в уголовно-правовой науке.

Отдельные стороны этой проблематики получили отражение в исследованиях В.Г. Зарипова, О.И. Коростылева, А.А. Крашенинникова, М.В. Кроза, О.Р. Онищенко, Н.А. Ратиновой, О.Р. Рузевича, М.А. Фомичевой, А.Д. Чернявского, Л.В. Шадринной и других ученых. В работах указанных авторов

психическое насилие, как правило, анализируется как характеристика отдельных составов преступлений, как форма принуждения или угрозы и т.п. Однако за рамками исследовательского взора остались многие важные в научном и практическом отношении вопросы. В частности, по-прежнему не установлено значение психического насилия в структуре состава преступления, дискуссионным остается вопрос о содержании понятия этой разновидности криминального насилия, нуждаются в уточнении его видовые характеристики, соотношение психического и физического насилия, вопросы квалификации деяний, совершаемых с применением психического воздействия и др.

Обозначенный спектр неисследованных и слабо изученных вопросов предопределил направления для научного поиска и разработки проблемы психического насилия в уголовном праве.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является аргументация новых научных положений, раскрывающих сущность и уголовно-правовое значение криминального психического насилия, а также позволяющих усовершенствовать механизмы уголовно-правовой борьбы с ним.

Исходя из этого, были определены и последовательно решены следующие задачи исследования:

- установлена психологическая и юридическая природа психического насилия;
- уточнены понятие и признаки психического насилия;
- определено место психического насилия в структуре состава преступления;
- классифицированы последствия психического насилия;
- проведена дифференциация психического насилия на виды;
- уточнено их уголовно-правовое значение;
- выявлены новые виды социально опасных проявлений психического насилия;

- показаны актуальные проблемы, возникающие при квалификации преступлений, совершаемых с применением психического насилия, и предложены их решения;

- даны авторские предложения по совершенствованию уголовно-правовых мер борьбы с психическим насилием.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступают общественные отношения в сфере уголовно-правовой борьбы с психическим насилием.

Предмет исследования составили: психическое насилие как уголовно-правовая категория; нормы российского и зарубежного уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за преступления, совершаемые с применением насилия; преступные проявления психического насилия; иные, требующие уголовно-правовой регламентации, общественно опасные формы психического насилия; зарубежные подходы к криминализации психического насилия; правоприменительные проблемы, связанные с уголовно-правовой оценкой психического насилия.

Методологическая основа исследования. В качестве базового методологического инструментария для проведения научного исследования проблем психического насилия в уголовном праве использовался всеобщий диалектический метод научного познания с присущими ему характеристиками системности, всесторонности, объективности и конкретности истины. В ходе подготовки диссертации также применялся ряд частнонаучных методов, таких как: формально-логический, сравнительно-правовой, метод статистического количественного анализа, классификации, метод экспертного опроса, метод анализа документов и др.

Теоретическую основу исследования составили положения психологической науки о структуре личности, уголовно-правового и криминологического учения о предупреждении насилия, развитые в работах С.Н. Абельцева, Л.А. Андреевой, Ю.М. Антоняна, Ю.И. Антонова, Л.Д. Гаухмана, А.И. Долговой, О.С. Капинус, Р.А. Левертовой, В.В. Лунеева, А.В. Наумова, С.С.

Овчинского, И.А. Петина, Э.Ф. Побегайло, Ю.Е. Пудовочкина, А.И. Рарога, С.В. Расторопова, Л.В. Сердюка, А.А. Тер-Акопова, Р.Д. Шарапова, М.Д. Шаргородского и др.

Нормативную правовую основу исследования составили международные, российские и зарубежные нормативные правовые акты: Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, а также Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (РСФСР, СССР), действующее уголовное законодательство зарубежных государств.

Эмпирическая основа исследования представлена результатами обобщения опубликованных материалов судебной практики Верховного Суда Российской Федерации (РСФСР, СССР) за период с 1961 по 2018 годы, итогами экспертного опроса 87 правоприменителей (судей, прокурорских работников и следователей), проведенного в 2008, 2012, 2013, 2017 гг., результатами анкетирования 128 граждан, данными анализа 143 уголовных дел рассмотренных судами 14 субъектов Российской Федерации (г. Москвы, Архангельской, Белгородской, Иркутской, Кемеровской, Московской, Новгородской, Самарской, Челябинской, Ростовской и Томской областей, Пермского и Краснодарского краев, Республики Дагестан) за 2007 – 2017 годы, результатами статистического анализа данных ГИАЦ МВД России.

Научная новизна диссертации определяется совокупностью полученных в результате решения ее задач результатов, позволяющих по-новому оценить правовую природу криминального психического насилия и предложить меры совершенствования уголовно-правового противодействия. В частности, новация работы определяется: установлением объекта и предмета психического насилия, его места в структуре состава преступления, авторской дефиницией психического насилия, аргументированной классификацией психического насилия, переосмыслением теоретических подходов к оценке форм криминального психического насилия, предложениями нормотворческого и правоприменительного характера в части установления уголовной ответственности за преследование и угрозу, а также определяющих направления

совершенствования нормативно-правовой базы противодействия корпоративному шантажу и правила уголовно-правовой оценки пролонгированного психического насилия.

Увеличение случаев негативного психического воздействия на личность в современных условиях, совершенствование и появление новых форм психического насилия диктуют необходимость ревизии уголовно-правовых параметров защиты личности от подобных негативных практик. Выявлены новые, не регламентированные уголовным законом в качестве самостоятельных деяний, виды психического насилия, обоснованы предложения об установлении уголовной ответственности за них и обозначены направления превенции.

Новизна работы также заключается в том, что проведенное исследование проблем психического насилия выполнено в новых социально-правовых условиях и осуществлено учетом психологических категорий в их взаимосвязи с уголовно-правовым учением о составе преступления.

Положения, выносимые на защиту:

1. В уголовном законодательстве прослеживается явный дисбаланс между уголовно-правовой оценкой физического и психического насилия. Вследствие этого различные формы противоправного общественно опасного воздействия на психику человека не находят своего адекватного отражения в уголовном законе в качестве самостоятельных преступлений, а лишь упоминаются в качестве способов преступных посягательств на другие объекты: половую свободу, собственность, правосудие и др. Вместе с тем, с учетом конституционно-правового догмата о человеке, его правах и свободах как о высшей ценности, такое положение является неприемлемым, требующим расширения границ уголовно-правовой защиты психического здоровья (благополучия) личности от преступных посягательств.

2. Уголовное законодательство позволяет трактовать психическое насилие в различных составах преступлений в зависимости от конкретных условий его проявления и как способ совершения преступления, и как одну из характеристик

обстановки содеянного, и как последствие преступления. Эта же особенность проявляется и на уровне правоприменения.

Подобное разночтение в толковании одного и того же термина в содержании различных положений уголовного закона не в полной мере соотносится с принципом законности.

Учитывая функциональное значение психического насилия и этимологическую природу этого понятия, правильная трактовка этой формы насилия должна быть представлена исключительно через описание характеристик деяния.

3. Уголовно-наказуемое психическое насилие – это противоправное общественно опасное воздействие (способ выполнения деяния) на психику другого лица (или группы лиц) помимо или против его (их) воли, совершаемое с прямым умыслом и способное причинить или причиняющее ему (им) психический, физический или материальный вред (ущерб).

4. Последствия, возникающие в результате психического насилия, следует рассматривать через признаки психического вреда и ущерба, которые можно определить как вызываемые общественно опасным насильственным психическим воздействием негативные изменения в явлениях психики физического лица (группы лиц), возникающие и существующие помимо его (их) желания или подсознательно для него (них).

Эти последствия для психики (последствия первого уровня или непосредственные последствия) приводят к тому, что в результате преступного психического насилия лицо выполняет те или иные действия (воздерживается от их выполнения), что в конечном итоге влечет причинение физического, имущественного или иного организационного вреда (последствия второго уровня), которые, как правило, учитываются законодателем при конструировании уголовно-правовых норм.

5. Предметом психического насилия в целом является психика человека как системное свойство высокоорганизованной материи, заключающееся в активном отражении лицом объективного мира, построении неотчуждаемой от человека

картины этого мира и саморегуляции на основе своего поведения и деятельности. Исходя из этого, объектом криминального психического насилия следует признавать общественные отношения, связанные с обеспечением безопасности психики человека.

6. Реальные проявления социально опасного психического насилия несколько шире, чем те, что на сегодняшний день отражены в уголовном законе. В связи с этим они могут быть представлены в виде: уголовно-релевантного (угрозы и иное психическое воздействие) и некриминализованного психического насилия (среди наиболее распространенных форм проявления которого были выявлены навязчивое преследование (стокинг), различные виды угрозы и корпоративный шантаж).

7. Высокая степень общественной опасности такой разновидности психического насилия, как навязчивое преследование, его негативные последствия, а также высокая степень распространенности подобного рода деяний вкупе с другими критериями криминализации деяний свидетельствуют о необходимости установления уголовной ответственности за стокинг (преследование), что во многом позволит изменить имеющуюся диспропорцию в уголовно-правовой оценке насилия.

Предлагается авторская редакция уголовно-правовой нормы об ответственности за навязчивое преследование (стокинг), учитывающая в том числе зарубежный опыт (Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Индии, Италии, Канады, Франции, Японии и др. стран) противодействия такому явлению:

Статья 119¹. Преследование

1. Преследование, выраженное в психическом воздействии на потерпевшего, совершаемое путем систематических оскорблений, шантажа, демонстраций агрессии или иных действий и причинившие потерпевшему нравственные страдания, -

наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо

обязательными работами на срок до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до шести месяцев, либо арестом на срок до трех месяцев.

2. Те же действия, совершенные:

а) публично либо с использованием средств связи или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»

б) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении определенной социальной группы;

в) группой лиц по предварительному сговору;

г) лицом, с использованием служебного положения, –

наказываются штрафом в размере от сорока до ста тысяч рублей, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные в отношении:

а) несовершеннолетнего;

б) двух и более лиц, -

наказываются обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, принудительными работами на срок до четырёх лет или лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

8. Определены особенности уголовно-правовой оценки преследования (стокинга), позволяющие отграничивать это деяние от смежных составов преступлений (угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, угрозы в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования, доведения до самоубийства, склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства, истязания).

Различие следует проводить на основании того, как описаны в законе их признаки. В случаях, когда преследование выражается в том числе и в виде угроз

убийством или причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, содеянное не исключает совокупности преступлений. В тех ситуациях, когда результатами преследования, совершаемого путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, становятся его самоубийство или покушение на самоубийство, при наличии соответствующего субъективного отношения виновного к таким последствиям, содеянное полностью охватывается ст.ст. 110, 110¹ УК РФ и не требует оценки как преследование по ст. 119¹ УК РФ. Разграничение со ст. 117 УК РФ следует проводить по способам выполнения преступного посягательства.

9. Установлены специфические темпоральные особенности психического насилия и их значение для квалификации преступлений. В зависимости от механизма воздействия на психику потерпевшего оно может быть осуществлено одновременно либо носить пролонгированный характер.

Единовременное психическое насилие характеризуется однократным или многократным воздействием на психику потерпевшего (высказывание угроз или выполнение иного психологического воздействия).

Характеристика пролонгированного психического насилия заключается в том, что обстановка, возникшая в процессе совершения насильственного преступления, используемая лицом при осуществлении посягательства на другой объект уголовно-правовой охраны, может актуализировать способ совершения первого преступления и переносить его юридическое значение для квалификации последующих действий лица, в том числе связанных с посягательством на другой объект.

10. С целью обеспечения психической защищенности личности, с учетом исторического опыта и зарубежной практики, теоретически обоснована необходимость установления уголовной ответственности за угрозу в виде общей нормы и предложена ее редакция:

Статья 119². Угроза.

1. Угроза уничтожения, похищения или повреждения чужого имущества, либо совершения иных общественно опасных действий, могущих повлечь

причинение имущественного ущерба, при наличии у лица оснований опасаться исполнения такой угрозы, -

наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до шести месяцев, либо арестом на срок до трех месяцев.

2. Угроза похищения человека, изнасилования или совершения иных насильственных действий сексуального характера, в отношении потерпевшего или его близких, -

наказывается обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет либо лишением свободы на срок до двух лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности наступление тяжких последствий, -

наказывается принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок до пяти лет.

Примечание. Крупным ущербом в настоящей статье признается стоимость имущества, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей.

Теоретическое значение исследования состоит в том, что его результаты вносят вклад в развитие юридического научного знания о психическом насилии и развивают такие разделы уголовно-правовой и криминологической науки, как преступления против личности, учение о составе преступления, учение о потерпевшем от преступления, вайоленсология, виктимология.

Практическое значение исследования выражается в том, что содержащиеся в нем положения и выводы могут быть использованы в качестве методической основы для квалификации преступлений, совершаемых с применением психического насилия, а также в качестве информационной основы совершенствования уголовного законодательства. Указанные положения и выводы могут использоваться в учебном процессе и служить исходным

материалом для последующих научных разработок проблем уголовно-правового противодействия преступному насилию.

Апробация результатов исследования. Диссертация была неоднократно обсуждена и рекомендована к защите на кафедре уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации. Сформулированные в ней основные теоретические положения и выводы докладывались на II Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (г. Москва, РГУП, 2014 г.), круглом столе «Квалификация преступлений: общие и частные проблемы» (Москва, Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016 г.), на IX Международной научно-практической конференции «Правовое регулирование в условиях российской государственности: вопросы теории и практики» (Саратов, СГЮА, 2018 г), а также отражены в 13 опубликованных работах автора (в том числе в 9 статьях, размещенных в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ).

Результаты исследования используются в учебном процессе Военного университета Министерства обороны Российской Федерации и Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, о чем имеются соответствующие акты.

Структура работы обусловлена ее целью и задачами и состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, и степень ее научной проработанности, раскрываются, цель, задачи, объект и предмет работы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся данные о результатах апробации, а также формулируются основные положения, выносимые автором на защиту.

Первая глава – «Психическое насилие как уголовно-правовая категория» – включает в себя три параграфа.

В первом параграфе диссертации – *«Психологические и общеправовые основы психического насилия»* – излагаются ключевые положения психологической и юридической наук, позволяющие детально уяснить сущность психолого-правовой категории «психическое насилие». Прежде всего автор обращается к достижениям психологической науки, и в частности, к концепциям, посвященным структуре личности. Среди них отбираются наиболее приемлемые для нужд юридической науки и практики теории (концепция изучения психического элемента в структуре личности и концепция деятельности психики человека в рамках правовых явлений и процессов через определение психической реальности как мира явлений психики), что позволило выявить сущность изучаемого феномена в уголовно-правовом контексте. Кроме того, этот подход позволил установить, что психическое насилие способно причинять не только психологический вред, но и вызывать определённые физические расстройства, причинять физический вред.

Отмечается, что избранный автором подход имеет определённое теоретико-прикладное значение. Например, может быть учтен в будущем при конструировании уголовно-правовых норм. И в частности, при описании в законе случаев причинения вреда психике человека и возможного наступления дополнительных тяжких последствий в результате такого вреда.

В этом же разделе работы поднимается вопрос о юридических характеристиках психического насилия. Автор отмечает, что в современной правовой науке психическое насилие зачастую понимается и как последствия, вызванные определенным поведением виновного лица, и как само воздействие, которое эти последствия вызывает. Обращение к этимологии слова «насилие» позволило прийти к выводу, дополнительно аргументированному в последующем параграфе диссертации, о том, что психическое насилие есть характеристика преступного деяния. Преступные последствия такого насилия предлагается рассматривать через признаки вреда и ущерба.

Во втором параграфе работы – *«Понятие психического насилия в уголовном праве»* – представлена авторская характеристика психического насилия.

Индуктивным путем определяются отдельные объективные и субъективные признаки этого понятия, на основании чего дается авторская формулировка психического насилия.

Автор обращается к лексическому и юридическому значениям термина «насилие», критически анализирует имеющиеся в уголовно-правовой литературе точки зрения по вопросу о том, к какой характеристике насилия относится слово «психическое». В этом вопросе он придерживается позиции, согласно которой эти понятия соотносимы с предметом и объектом воздействия, а не со способом преступления.

Определяется, что предметом психического насилия является психика человека, как системное свойство высокоорганизованной материи, заключающееся в активном отражении лицом объективного мира, построении неотчуждаемой от человека картины этого мира и саморегуляции на основе своего поведения и деятельности. Объектом психического насилия признаются общественные отношения, связанные с обеспечением безопасности психики человека.

На основании этого установлено, что психическое насилие посягает на однородную группу общественных отношений, что дополнительно подтверждает вывод о том, что психическое насилие характеризует поведение преступника. Отмечается, что оно является внешним по отношению к психике другой личности (личностей) раздражителем, вызывающим соответствующую психическую реакцию.

Обращается внимание на то обстоятельство, что сам по себе феномен психического насилия, изучаемый в уголовно-правовых рамках, достаточно многогранен, сложен для восприятия и не может быть с легкостью отнесен к тому или иному признаку состава преступления. Проводится ревизия взглядов на эту проблему. В результате чего автор приходит к выводу, что психическое насилие в уголовном праве по своим внешним признакам в зависимости от конкретных условий его проявления может выступать способом или средством совершения преступления, а также характеризовать обстановку содеянного, которые в своей

совокупности определяют способы выполнения запрещенного и уголовно-наказуемого деяния.

Автор отмечает, что в тех ситуациях, когда психическое насилие выступает в качестве способа или средства совершения преступления, оно, как правило, выражается в форме действия (например, при угрозе убийством, при грабеже или при разбое). Однако, если речь идет об обстановке совершения преступления, то психическое воздействие может выражаться и в бездействии. Например, при неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ), когда родитель пренебрежительно и унижительно обращается с ребенком, игнорируя его просьбы, отказываясь или уклоняясь от оказания необходимой медицинской помощи и т.п.

Сделанный вывод позволил заключить, что в объективной действительности психическое насилие может быть выражено как в активных действиях преступника, так и в бездействии. При этом указывается, что криминальное психическое воздействие должно быть выраженным во вне противоправным и общественно опасным поведением, характеризующимся определенным интенциональным содержанием (направленностью).

Автор подчеркивает, что такая направленность на волю потерпевшего (противоправное влияние) должна быть обусловлена целью причинения ему определенного вреда (психического, физического, материального).

Эта цель может лежать далеко за рамками состава того или иного насильственного преступления и позволяет охарактеризовать виновное отношение преступника в виде желания причинить определенный вред. На основании чего делается вывод, что психическое насилие является способом достижения такой цели. Само же психическое воздействие предлагается рассматривать как сознательно выбранную субъектом и желаемую им модель собственного поведения.

С учетом этих выводов дается авторская формулировка понятия психического насилия. Под ним предлагается понимать это противоправное общественно опасное воздействие (способ выполнения деяния) на психику

другого лица (или группы лиц) помимо или против его (их) воли, совершаемое с прямым умыслом и способное причинить или причиняющее ему (им) психический, физический или материальный вред (ущерб).

Третий параграф – *«Последствия психического насилия»* – посвящен проблеме систематизации возможных негативных последствий психологического воздействия.

Для решения искомой научной задачи автор обращается к изучению содержания и соотношению понятий психического воздействия и психического вреда. Исследование этого вопроса позволило установить, что психический вред может возникать в ходе общественно опасного насильственного психического воздействия и продолжает существовать после его завершения, а также возникать после его завершения. Он может быть причинен как в результате умышленных действий, так и по неосторожности. Для криминальных форм такого вреда характерно лишь умышленное содержание.

Это приводит соискателя к выводу о том, что по смыслу уголовного законодательства психический вред в различных преступлениях может выступать характеристикой деяния (способом действия) и выступать в виде последствия психического воздействия (насилия). Причем самостоятельное уголовно-правовое значение он приобретает лишь тогда, когда на него или на возможность его причинения прямо указано в тексте конкретной уголовно-правовой нормы. Это позволило утверждать, что психический вред, наступающий в результате совершения преступления, при определенных условиях может оказывать влияние на итоговую уголовно-правовую оценку содеянного.

Далее автор рассматривает вопрос о соотношении понятий «моральный вред» и «психический вред». Отмечается, что между этими понятиями существует формально логическое отношение пересечения: существует вред, который одновременно является уголовно значимым психическим и моральным (это негативные эмоции), вместе с тем психический вред заключается не только в моральном вреде.

В этом же разделе уделено внимание проблеме разграничения психического и физического вреда, в рамках которого исследуется вопрос о соотношении психического вреда с приобретенными психическими заболеваниями.

Отмечается, что формальным критерием разграничения неболезненного психического вреда и болезненного психического вреда является нозология в виде Международной классификации болезней десятого пересмотра (МКБ-10), которая содержит перечень и симптомы заболеваний.

Заложив в основу данные, включенные в МКБ-10, а также принимая во внимания выводы относительно природы человеческой психики, предложена авторская классификация психического вреда.

В качестве основания для деления психического вреда на виды взяты особенности психической природы такого вреда. С учетом этого автором выделяются и детально анализируются следующие виды психического вреда, причиненного как умышленно, так и по неосторожности (некриминальный вред):

1.1. Негативные эмоции, то есть негативные изменения в эмоциональном состоянии.

1.2. Неприятные ощущения, то есть негативные изменения в состоянии ощущений.

1.3. Негативные комплексные изменения в психических состояниях.

1.4. Негативные изменения в психических процессах.

1.5. Вред психическим связям в группе или в рамках связанных человеческих сообществ.

1.6. Временная психическая беспомощность.

Представленная авторская классификация психического вреда позволила уточнить ряд уголовно-правовых параметров психического насилия, а также скорректировать определение насильственного психического вреда. Под ним предлагается понимать вызываемые общественно опасным насильственным психическим воздействием негативные изменения в явлениях психики физического лица, возникающие и существующие помимо его желания или подсознательно для него.

Вторая глава диссертации – «Виды психического насилия и их уголовно-правовое значение» – включает три параграфа.

В первом параграфе – *«Классификация психического насилия»* – на основании толкования описанных в уголовном законе признаков и представленных в уголовно-правовой науке позиций относительно видов психического насилия дается его авторская классификация.

Автор проводит анализ традиционного для отечественной уголовно-правовой науки подхода, согласно которому к видам психического насилия относят угрозу, принуждение и понуждение, а также отдельные взгляды ученых, значительно расширяющие представления о видовых характеристиках психического насилия.

Установлено, что издевательство, называемое отдельными специалистами в качестве разновидности психического насилия, значительно шире его по смыслу, что не позволяет выделять его в качестве самостоятельного вида.

Отдельное внимание уделено понятию травли, которое не используется законодателем, а его проявления находят иную уголовно-правовую форму (угрозы, принуждение и др.), на основании чего травля так же не признается автором самостоятельным видом уголовно-значимого психического насилия.

Исследуется вопрос об отнесении к разновидностям психического насилия таких категорий, как запугивание, террор и гипноз. Автор указывает, что по своему содержательному аспекту запугивание полностью соответствует угрозе и является лишь одной из форм её проявления. Аналогичный вывод следует и для определения террора, который следует рассматривать как террористическую угрозу (разновидность угроз).

Специально изучается вопрос о соотношении гипноза и психического насилия. Ссылаясь на исследования, посвященные проблеме гипноза в уголовном праве, автор придерживается позиции, согласно которой его следует рассматривать как одну из форм психического принуждения. Этот вывод позволяет сориентировать правоприменителя, испытывающего затруднения при квалификации деяний, совершаемых посредством применения гипноза.

Ссылаясь в своих выводах на результаты опроса правоприменителей и результаты толкования буквы закона Верховным Судом РФ, автор заключает, что обман, не может быть признан видом психического насилия. Дополнительную аргументацию этот вывод получает при сопоставлении ранее установленных в работе субъективных признаков психического насилия и целеполагания при обмане. Психическое воздействие при обмане используется только лишь как способ достижения какой-либо иной цели (например, завладения имуществом), а не как способ причинения вреда другому лицу, что характерно для психического насилия. Исходя из этого обман предлагается рассматривать как одну из форм психического воздействия.

Далее сквозь призму классификации психического насилия автором проводится исследование понятия шантажа. Установлено, что в уголовном законе он определяется через угрозу, что позволило признать шантаж одним из видов угрозы, специфика которой заключается в распространении нежелательных к огласке для потерпевшего сведений.

С учетом изложенного, детальную оценку в работе получают понятия угрозы, принуждения и понуждения.

Автор поддерживает представленную в теории позицию, согласно которой к психическому насилию предлагается относить лишь такие виды угрозы, содержание угрожающей информации в которых ориентировано на причинение вреда правам и законным интересам личности, общества и государства. Эта позиция приводит к необходимости исследования вопроса о видах угроз.

Предлагается авторская классификация угроз, построенная на основе анализа их содержания, согласно УК РФ. К числу таких угроз отнесены: 1) угроза применения физического насилия, которая в свою очередь может быть выражена в виде: а) угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; б) угроза применения насилия, опасного для жизни и здоровья; в) угроза применения насилия, не опасного для жизни и здоровья; 2) угроза уничтожения или повреждения чужого имущества; 3) террористическая угроза; 4) шантаж.

Исследование вопроса о соотношении понятий принуждение и понуждение позволило прийти к выводу, что использование законодателем этих терминов при конструировании уголовно-правовых норм преследовало цель описать определенные действия, направленные на подавление воли потерпевшего и предполагающие определенный результат (совершение действий, необходимых для виновного лица). Таким образом, законодатель по-разному описал способы совершения насильственного преступления (проявления психического насилия).

Авторское решение в диссертации получил вопрос о соотношении принуждения и насилия. Признавая психическое принуждение разновидностью психического насилия, предложена его авторская классификация. К видам психического принуждения, надлежит относить: 1) непосредственно психическое принуждение; 2) понуждение; 3) вовлечение (подвидами которого являются склонение и вербовка); 4) гипноз.

Во втором параграфе второй главы – *«Уголовно-правовая оценка»* – определены особенности уголовно-правовой оценки различных проявлений угроз в зависимости от того, как они описываются в уголовном законодательстве.

Автор отмечает, что угроза в тексте УК РФ может быть выражена как самостоятельное преступление (ст. 119, 296, 318, 321 УК РФ), что связано со степенью её общественной опасности, с объемом возможных последствий от ее реализации (смерть, тяжкий вред здоровью), специальными признаками потерпевших от преступления и характеристиками субъективной стороны. Реальность восприятия таких угроз в современной судебной практике определяется в зависимости от сложившейся конкретной обстановки, в которой она высказывалась. Обращается внимание на то, что дополнительными «индикаторами» при оценке реальности угрозы могут являться физические возможности виновного, имеющиеся данные о его личности и т.п.

Отдельно исследуется важный для теории и практики вопрос об определении реальности намерений преступника при осуществлении угрозы. Автор, ссылаясь на судебную практику и результаты собственного исследования, указывает, что поскольку сама по себе угроза представляет собой психическое

насилие и причиняет психический вред в виде страха за собственные жизнь и здоровье, а также за жизнь своих близких и сохранность имущества, то это обстоятельство уже является достаточным основанием для привлечения к уголовной ответственности. При этом факт реального осуществления такой угрозы в ряде случаев предлагается оценивать дополнительно.

Проведённый автором анализ судебной практики показал, что нередко у правоприменителя возникают проблемы уголовно-правовой оценки угроз, сопряженных с действиями, направленными на лишение жизни или причинение тяжкого вреда здоровью. В связи с чем предложено несколько квалификационных решений таких ситуаций.

Далее в работе исследуется вопрос об угрозе, описываемой законодателем в ряде случаев в качестве способа совершения преступления. Выделяются признаки психического насилия, характеризующие угрозу как способ совершения преступления: 1) множественность объектов посягательства; 2) реальность угрозы-способа; 3) наличность; 4) особенности описания угрозы.

Представлено решение прикладного вопроса об оценке угрозы, являющейся способом совершения преступления. Автор приходит к выводу, что если угроза предусмотрена как конструктивный признак состава преступления, то следует оценивать ее влияние на степень общественной опасности совершенного содеянного.

Проведенный автором анализ положений УК РФ позволяет рассматривать угрозу в том числе и как квалифицирующий признак состава преступления. Отмечается, что в качестве такового угроза предусмотрена в составах преступлений, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность; отношения, обеспечивающие право гражданина на охрану его конституционных прав; отношения, связанные с нормальным развитием несовершеннолетнего; экономические отношения; общественную безопасность; отношения, обеспечивающие незыблемость основ конституционного строя и безопасности государства; общественные отношения, связанные с осуществлением; порядок управления.

С точки зрения содержания угрозы как квалифицирующего признака отдельных составов преступлений, их предложено классифицировать на: угрозу применения насилия без его конкретизации; угрозу применения насилия, опасного для жизни и здоровья человека; угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; угрозу применения насилия, не опасного для жизни и здоровья; угрозу уничтожения или повреждения чужого имущества.

Определена авторская позиция по вопросам уголовно-правовой оценки восприятия потерпевшим угрозы, являющейся квалифицирующим признаком, её реальности и наличности. Предложено проводить её по тем же правилам, что и при квалификации угрозы-преступления и угрозы-способа, а также принимать во внимание санкции уголовно-правовых норм.

Третий параграф второй главы исследования – *«Иное психическое воздействие: виды и уголовно-правовое значение»* – раскрывает особенности уголовно-правовой оценки психического принуждения в зависимости от того, в каком качестве это принуждение представлено в законе.

Установлено, что психическое принуждение может быть рассмотрено как одно из обстоятельств, исключающих преступность деяния, смягчающих или отягчающих наказание; как преступление и как квалифицирующий признак состава преступления; как способ совершения преступления и как его цель.

Автором уточняются особенности уголовно-правовой оценки признака преодолемости психического принуждения. Утверждается, что оно, являясь разновидностью информационного воздействия, в большинстве случаев предполагает возможность выбора для лица, а потому его следует оценивать как преодолимое.

Определены характеристики психического принуждения как обстоятельства, влияющего на дифференциацию наказания. Утверждается, что будучи смягчающим обстоятельством, оно носит извинительный характер, и при его наличии, лицо сохраняет возможность руководить своими действиями. При этом виновное лицо подавляет волю потерпевшего с целью причинения вреда, охраняемым уголовным законом интересам общества и государства. В качестве

отягчающего наказания обстоятельства оно может быть признано лишь в тех ситуациях, когда не предусмотрено статьей Особенной части УК РФ в качестве конструктивного признака состава.

Выделяются характеристики психического принуждения как самостоятельного состава преступления. К ним отнесены: 1) специфика объектов уголовно-правовой охраны (отношения по охране жизни и здоровья; экономические отношения; отношения в сфере общественной безопасности и общественного порядка; интересы правосудия; отношения военной службы); 2) особенности способов законодательного выражения принуждения (подкреплены различными видами угроз; шантажом; использованием материальной или иной зависимости потерпевшего; иными незаконными действиями; принуждение без указания на его способы); 3) перенесение момента окончания принуждения на более раннюю стадию.

Проанализировав различные формы психического принуждения, автор приходит к выводу, что в действующем уголовном законодательстве принуждение, понуждение, вербовка и склонение рассматриваются, как деяния, обладающие большей степенью общественной опасности деяния, чем вовлечение.

Установлено, что психическое принуждение как квалифицирующий признак составов преступлений характеризуется тем, что: 1) деяния, в которых оно выступает в качестве квалифицирующего признака, посягают на две группы общественных отношений: отношения, связанные с осуществлением конституционных прав гражданина и отношения в сфере экономической деятельности; 2) при описании принуждения, как квалифицирующего признака состава преступления, в него вкладывается различное содержание.

Принуждение как способ характерен для преступлений, посягающих на две группы охраняемых уголовным законом общественных отношений: связанных с осуществлением конституционных прав гражданина и основ конституционного строя и безопасности государства. Содержание принуждения как способа совершения рассматриваемых преступлений разнится в зависимости от конкретных составов преступлений.

Автор отмечает, что принуждение как цель совершения преступления выполняет вспомогательное значение при определении субъективных признаков состава преступления. Субъективная сторона в таких преступлениях характеризуется исключительно прямым умыслом.

Третья глава диссертации – «Некоторые проблемы квалификации и уголовно-правовой регламентации психического насилия по российскому уголовному праву» – включает два параграфа.

В первом параграфе третьей главы исследования – *«Проблемы уголовно-правовой оценки психического насилия в Особенной части УК РФ»* – определяются тенденции насильственной преступности, а также обозначены спорные вопросы квалификации и уголовно-правовой интерпретации новых форм психического насилия.

Эмпирическим путем установлено, что современное насилие приобретает все более сложные формы. Традиционное физическое насилие существенно дополняется психической составляющей. Автор обращает внимание на то, что сокращение фактов применения физического насилия привело к увеличению случаев совершения преступлений посредством психического воздействия, появлению новых социально-опасных проявлений, не охватываемых уголовно-правовыми рамками. К их числу диссертант относит: навязчивое преследование (стокинг), отдельные виды личных и имущественных угроз, корпоративный шантаж, пролонгированное психическое насилие, психическое насилие, сопутствующее другому преступлению.

Отмечается, что проблемы уголовно-правовой оценки новых форм психического насилия в современной юридической литературе описаны недостаточно подробно. В связи с чем основное внимание автора в этом разделе диссертации сосредоточено на исследовании некриминализованного (частично криминализованного) психического насилия.

Изучение такой разновидности психического насилия как преследование проводится автором с привлечением результатов зарубежных исследований, в которых эта форма психического воздействия получила большую детализацию.

Диссертант отмечает, что криминализация преследования носит общемировой, а не региональный (северо-американский или западно-европейский) характер, что лишний раз подчеркивает тенденцию трансформации преступности в современном глобализированном мире. Подчеркивается, что в зарубежном законодательстве оно нередко рассматривается как разновидность бытового насилия.

Отмечается, что в современном мире стокинг как социально опасное явление чаще всего связан с преследованиями на сексуальной почве со стороны половых партнеров, что получает еще большую актуальность в связи с развитием информационных технологий.

Автор отмечает, что проблемы преследования характерны и для России, выделяя при этом некоторые особенности стокинга, проявляющиеся в деятельности коллекторских агентств. На основании чего сделан вывод об общественной опасности стокинга как нового вида психического насилия, причиняющего последствия в виде психического вреда.

Далее анализируются уголовно-правовые возможности борьбы с угрозами уничтожением или повреждением имущества. Такие угрозы, получившие достаточно широкое распространение, как полагает диссертант, нацелены на причинение психологического вреда потерпевшему. Высказывая такие угрозы, виновный, как правило, пытается добиться от него каких-либо действий. Это обстоятельство не позволяет оценивать имущественные угрозы как социально опасные и запрещенные деяния, если они не реализованы в виде фактического уничтожения или повреждения чужого имущества.

На этом основании автор приходит к выводу, что психическое насилие, преследующее цель причинения психического вреда, может быть выражено не только в угрозе жизни или здоровью человека, но и в опосредованном воздействии на психику лица путем создания угрозы его имуществу. В связи с чем предлагается криминализация подобных действий.

Отдельное внимание уделено новому виду шантажа в сфере предпринимательской деятельности (корпоративному шантажу) и решен вопрос о его криминализации.

Общественная опасность корпоративного шантажа (гринмейла), по мнению диссертанта, состоит в том, что посредством него создается угроза свободе экономической деятельности, которая сопряжена с преодолимым психическим принуждением по отношению к конкретному лицу или группе людей и осуществляется с целью совершения последними экономически значимых действий по отношению к виновному или третьим лицам.

Представлены данные о распространенности корпоративного шантажа в России.

Отмечается, что к числу специфических российских черт гринмейла относится его сопряженность с профессиональным государственным рейдерством, что повышает его общественную опасность и оказывает негативное влияние на нормальное развитие общественных отношений в сфере государственного и муниципального управления.

Далее в работе на примере сопряженности половых и имущественных преступлений представлены авторские предложения по квалификации случаев так называемого пролонгированного психического насилия, под которым предлагается понимать такие ситуации, когда примененное к конкретному лицу (группе лиц) психическое воздействие при совершении одного преступления можно признавать способом (обстановкой) совершения другого преступления, обязательным признаком состава которого является насилие.

Второй параграф третьей главы – *«Основные направления совершенствования российского уголовного законодательства в части регламентации ответственности за психического насилия»* – содержит решение обозначенных проблем уголовно-правовой регламентации стокинга, угроз и корпоративного шантажа.

Для решения проблемы установления уголовной ответственности за преследование автор обращается к анализу зарубежного уголовного

законодательства. Он указывает, что практика криминализации стокинга носит неоднозначный характер, что проявляется не только в используемой терминологии, но и в особенностях изложения соответствующих уголовно-правовых запретов. Отмечается, что в государствах англо-саксонской правовой семьи (где в силу исторических причин и языковой близости слово стокинг, как правило, используется в текстах правовых актов) доктринальное описание деяния-стокинга включает оценку реакции жертвы (ее раздражение, страх, беспокойства, взволнованность, стресс и пр.). При этом в законодательстве стран романо-германской правовой системы основной акцент сделан на описании деяния-преследования и его признаков.

Диссертант подчеркивает, что введение уголовной ответственности за навязчивое преследование в России, несмотря на привлекательность общей идеи об учете восприятий потерпевшего при совершении преступлений, должно осуществляться с учетом заложенных в действующем уголовном законодательстве традиций. В связи с чем предлагается авторская редакция уголовно-правовой нормы об ответственности за стокинг (ст. 119¹ «Преследование»), расположенная в Главе 16 – «Преступления против жизни и здоровья» – УК РФ).

Предлагаемая уголовно-правая норма, по мнению диссертанта, позволит расширить профилактический потенциал уголовного закона и ввести в уголовно-правовую материю надежное средство защиты от психического насилия.

Исследование вопроса об уголовной ответственности за угрозу уничтожением или повреждением имущества, основанное на изучении советского опыта борьбы с подобными угрозами и подкрепляемое законодательными решениями стран СНГ, привело автора к выводу, что соответствующая общая уголовно-правовая норма нуждается в «реанимации», поскольку она позволит решить сразу несколько важных задач: защищать психическую неприкосновенность личности от различного рода угроз, гарантировать неприкосновенность права собственности и предупреждать другие, более тяжкие насильственные и корыстные преступления.

Учитывая, что ущерб от имущественных угроз причиняется прежде всего психике человека (в этом же, как правило, и состоит целевая установка виновного), дано предложение разместить общую норму об ответственности за угрозу уничтожением или повреждением чужого имущества в раздел VII УК РФ – «Преступления против личности». Это, по мнению соискателя, не только позволит лучше отразить специфику поведения преступника, но и в целом согласуется с криминологическими постулатами о том, что преступления против собственности, совершаемые путем угрозы, относятся к числу корыстно-насильственных.

Вместе с тем, обращение к социологии проблемы опасного, но в то же время некриминализованного психического насилия привело к выводу о необходимости установления уголовной ответственности за наиболее распространённые случаи угроз личности. В связи с чем предложена общая уголовно-правовая норма об ответственности за угрозу (ст. 119² «Угроза»).

Изучение вопроса об ответственности за корпоративный шантаж в рамках настоящего раздела работы проведено с учетом идеи о наличии сложных связей между правом и параметрами поведенческой деятельности человека в экономической сфере.

Отмечается, что лица, осуществляющие корпоративный шантаж, как правило, не совершают прямых нарушений законодательства (тем более уголовного), действуя в рамках «правового поля». Что, тем не менее, не мешает им причинять существенный вред правам и законным интересам физических и юридических лиц, используя для этого в том числе коррупционные механизмы. Те же социально опасные деяния, которые порой совершают гринмейлеры (в т.ч. коллекторы), либо подпадают под действие уголовно-правовых норм, либо могут быть охвачены предлагаемой уголовно-правовой нормой об ответственности за навязчивое преследование.

С учетом этого автор задается вопросом о возможности противодействия гринмейлу не уголовно-правовыми мерами. Для ответа на него, вновь обращаясь к зарубежному опыту, он приходит к выводу о том, что мировая практика знает

достаточно эффективный способ борьбы с корпоративным шантажом, который не имеет прямого отношения к уголовному праву. Это – меры фискального характера. Их удобство состоит в том, что результаты их применения не находятся в линейной зависимости от того, насколько эффективно работает система правоохраны и финансируется борьба с преступностью.

Эффективность фискальных мер борьбы с гринмейлом в российских условиях, по мнению автора, может быть достигнута лишь при дополнительной настройке и корректировке гражданско-правового механизма регулирования общественных отношений (разработке критериев добросовестности, применения ст. 10 ГК РФ о злоупотреблении правом и т.п.), совершенствовании правовых средств борьбы с коррупцией (введение ответственности за неосновательное обогащение для должностных лиц) и др.

На основании изложенного автор приходит к выводу о том, что введение в России уголовной ответственности за корпоративный шантаж в условиях, когда мировой опыт свидетельствует о возможности (и главное, эффективности) борьбы с ним иными правовыми средствами, нецелесообразно.

В **заключении** диссертационной работы формулируются основные выводы, предложения и рекомендации, направленные на решение исследовательских задач.

Основные выводы и положения, выносимые на защиту, нашли отражение в следующих научных публикациях автора:

а) в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ:

1. **Клоченко, Л.Н.** К вопросу об унификации терминологии, обозначающей психическое насилие, в уголовном праве [Текст] / Л.Н. Клоченко // Российский следователь. – 2013. – №9. – С. 24 – 27. – 0,3 п.л.;

2. **Клоченко, Л.Н.** Последствия психического насилия [Текст] / Л.Н. Клоченко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». – 2014. – №3. – С. 20 – 28. – 0,5 п.л.;

3. **Клоченко, Л. Н.** Психическое принуждение как преступление [Текст] / Л.Н. Клоченко // Уголовное право. – 2014. – №5. – С. 61 – 63. – 0,3 п.л.

4. **Клоченко, Л.Н.** Преследование (стокинг) как вид психического насилия [Текст] / Л.Н. Клоченко // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – №4 (21). – С. 57 – 62. – 0,3 п.л.

5. **Клоченко, Л.Н.** Угроза уничтожения или повреждения чужого имущества как разновидность психического насилия [Текст] / Л.Н. Клоченко // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – №2. – С. 50 – 55. – 0,5 п.л.

6. **Клоченко, Л.Н.** Психическое насилие как способ совершения нескольких преступлений: вопросы квалификации [Текст] / Л.Н. Клоченко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – №5. – С. 94 – 98. – 0,5 п.л.

7. **Клоченко, Л.Н.** Психическое насилие в уголовном праве: вопросы доктринального толкования [Текст] / Л.Н. Клоченко // Право и государство: теория и практика. – 2017. – №7 – С. 147 – 149. – 0,4 п.л.

8. **Клоченко, Л.Н.** Корпоративный шантаж (гринмейл) как вид психического насилия [Текст] / А.Ю. Решетников, Л.Н. Клоченко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – №2. – С. 104 – 108. – 0,3 /0,5 п.л.

9. **Клоченко, Л.Н.** Психологические и правовые основы учения о психическом насилии [Текст] / А.Ю. Решетников, Л.Н. Клоченко [Текст] // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2018. – №3. – С. 100 – 111. – 0,6/0,9 п.л.

б) в иных изданиях:

10. **Клоченко, Л.Н.** Понуждение и принуждение в преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности по российскому и международному законодательству [Текст] / Л.Н. Клоченко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2012. – №23. – С. 82 – 97. – 0,8 п.л.

11. **Клоченко, Л.Н.** Сущность психического насилия в составах доведения до самоубийства и преступлений против личности в состоянии аффекта [Текст] /

Л.Н. Клоченко // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: Сборник материалов Первой Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: Российская академия правосудия, 2014: Раздел VI. Работы аспирантов и соискателей: [Электронная версия]. – 0,3 п.л.

12. **Клоченко, Л.Н.** Особенности уголовно-правовой оценки психического насилия при совершении половых преступлений, сопряженных с посягательствами на собственность [Текст] / Л.Н. Клоченко // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: Сборник материалов научно-практической конференции / под ред. А.В. Бриллиантова и Ю.Е. Пудовочкина. – М.: Российский государственный университет правосудия, 2015.– С. 562 – 566. – 0,3 п.л.

13. **Клоченко, Л.Н.** Психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния [Текст] / Л.Н. Клоченко // Правовое регулирование в условиях современной государственности: вопросы теории и практики: сб. тезисов докладов по материалам IX Междунар. науч.- практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов (Саратов, 15 марта, 2018 г.). – Саратов: изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2018. – С.233-234. – 0,2 п.л.